

Геннадий Корнилов

Особенности аграрной политики сталинизма: колхозная жизнь после коллективизации

Gennadiy Kornilov (Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Institute of History and Archeology)

Agrarian policy of Stalinism: collective farm life after collectivization

DOI: 10.31857/S000523100000128-4

При обсуждении феномена коллективизации в СССР важно учитывать основной детерминатор — модернизацию, ставшую основной тенденцией развития страны в XX в. 1930–1950-е гг. — период непосредственной коллективизации — представляют собой один из этапов перехода от традиционного общества к индустриальному. Это был единый с точки зрения государственной политики по отношению к селу период существования колхозной формы аграрного производства. Какую же роль власти отводили аграрной подсистеме экономики в конкретно-исторической ситуации?

Принудительная коллективизация сельских производителей являлась составной частью сталинской модернизации, в рамках которой она служила двум главным целям. В первую очередь колхоз являлся инструментом (*de facto* государственным) повышения товарности сельского хозяйства по сравнению с доколхозным периодом. Это было необходимо в видах осуществления программы индустриализации, для того чтобы обеспечить растущую промышленность сырьём, а растущее неаграрное население — продовольствием. Увеличить товарность сельского хозяйства предполагалось путём интенсификации и повышения производительности труда, однако фактически колхозы служили инструментом подразвёрстки сельхозпродукции, в частности зерна. С их помощью государство заставляло крестьянство расставаться с большей частью урожая, платя ему при этом меньше, чем в 1920-х гг. Вторая задача коллективизации — ликвидация крестьянских «мелкособственных производителей», которые могли противостоять большевистской реконструкции экономики и общества. Коллективизация сопровождалась «раскулачиванием» — карательной кампанией против «сельских эксплуататоров» и тех, кто противостоял принудительному обобществлению. Так как определение этих категорий было весьма размыто, коллективизация вылилась в массовый произвол и террор против сельского населения. Крестьяне сопротивлялись насилию, это противостояние продлилось до середины 1930-х гг., когда активные «антиколхозные элементы» были высланы в отдалённые районы, а большая часть крестьян отказалась от индивидуальной формы хозяйствования и вступила в колхозы.

На мой взгляд, главными в победе власти оказались два фактора. Первый — крупномасштабный голод, который разразился в 1932–1933 гг. на Украине, Северном Кавказе, Южном Урале, в Поволжье, Казахстане и других регионах страны. Его причины — неуклонная подразвёрстка зерновых запасов в 1929–1932 гг., неурожай и всеобщий развал сельскохозяйственного производства под натиском коллективизации и репрессий¹. Голод показал, на что готово

---

¹ См.: Голод в СССР. 1929–1934. В 3 т. / Отв. сост. В. В. Кондрашин. М., 2011–2013; Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М., 2009.

сталинское руководство, заставив крестьянство вступить в колхозы и работать в них, чтобы выжить. После этого о сколько-нибудь активном сопротивлении речи уже не шло. Вторым фактором явилась корректировка государственной политики, предполагавшая компромисс с крестьянством. Начало ей положила ликвидация в конце 1934 г. политотделов машинно-тракторных станций (МТС), выполнявших главным образом карательные функции в годы завершения массовой коллективизации. Стержнем новой политики стало воплощение положений Примерного устава сельхозартели, принятого II Всесоюзным съездом колхозников-ударников в феврале 1935 г. Устав закрепил за колхозами право на обобществлённую землю, а за индивидуальным колхозным двором – возможность вести личное подсобное хозяйство на приусадебном участке. В 1935 г. постановлением ЦИК и СНК СССР были сняты судимости с колхозников, осужденных на 5 лет, в 1938 г. запрещено применять в качестве меры наказания исключение из колхоза. В 1937–1938 гг. проводились точный обмер и землеустройство колхозных земель и приусадебных участков, торжественные церемонии вручения колхозам актов на вечное пользование землёй. Эти и другие мероприятия частично нейтрализовали враждебность, порождённую сплошной коллективизацией. Компромисс о землепользовании лёг в основу отношений между властью и крестьянством на протяжении всего оставшегося сталинского периода. Законодательные акты 1930-х гг., регламентировавшие деятельность колхозов и колхозников, практически неизменно действовали вплоть до середины 1950-х гг.

Основные элементы сталинской политики по отношению к селу и колхозам таковы.

1. Двухуровневая система сельскохозяйственного производства, состоявшая из обобществлённого колхозного хозяйства и личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Устав 1935 г. ставил право на ведение подсобного хозяйства в прямую зависимость от членства крестьянского двора в колхозе. Устав определил размер приусадебной земли — 0,25–0,5 га. Каждый колхозник имел право содержать одну корову, до двух голов крупного рогатого скота, 10 овец и коз, птиц, кроликов, до двух ульев пчёл². Размер приусадебного участка и личного хозяйства дозировался так, чтобы обеспечить минимальное воспроизводство ресурсов для семьи колхозника. С него селяне кормились, а также платили налоги — денежный и натуральный. Хлеб же колхозники могли получать только из одного источника — из колхоза на трудодни.

В 1939 г. был введён обязательный минимум трудодней, призванный «стимулировать» трудовую активность колхозников. На практике это означало, что право на ЛПХ ставилось в зависимость не только от членства в колхозе, но также от обязательного участия в общественном производстве. Главным рычагом управления колхозниками стали меры, направленные на расширение или, наоборот, ограничение подсобного хозяйства. Первая волна ограничений прошла под лозунгом борьбы с «частнособственническими устремлениями, рвачами и хапугами». На основе постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель в колхозах от разбазаривания» произошло урезание ЛПХ, запрещалось дальнейшее использование колхозных

---

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1929–1940 годы. М., 1967. С. 519–530.

земель в качестве пастбища для необобществлённого скота. В сентябре был принят новый Закон о сельскохозяйственном налоге, ужесточивший обложение ЛПХ³. В 1940 г. завершилось сселение хуторов.

Несмотря на то, что ЛПХ по идее служило потребительским нуждам колхозного двора, государство выкачивало ресурсы из обоих источников. Зерно, зерновые и технические культуры заготавливались за счёт колхозной продукции, в заготовках же мяса, молочных продуктов, овощей ведущую роль играли приусадебные участки (причём независимо от того, имел ли крестьянин в своём распоряжении скот и птицу).

2. Комплексные мероприятия, направленные на модернизацию и интенсификацию сельскохозяйственного производства. В 1935–1953 гг. шёл поиск организационных форм, продолжались внедрение прогрессивных технологий, свёртывание рыночных товарно-денежных отношений и кооперации, преодоление консервативных представлений крестьянства о смысле и задачах сельскохозяйственного труда, изменение типа воспроизводства населения и трансформация сельской семьи, повышение грамотности, изменение быта населения (в частности, роли женщины). Колхозники как социальная группа постепенно теряли функцию определения норм поведения для личности, характерную для доколхозной эпохи.

Проводилась механизация земледелия. Складывалась система предприятий сельскохозяйственного машиностроения, во всех регионах страны появились тракторы и комбайны, начался переход от конно-ручной тяги к механизации основных трудоёмких операций. Машинно-тракторные станции обслуживали перед войной бóльшую часть колхозов, вырос объём тракторных работ. Вторая половина 1930-х гг. – время широкого охвата колхозников профессионально-техническим обучением. Подготовка кадров массовых профессий не только обеспечивала МТС, колхозы и совхозы квалифицированными работниками, но и поднимала уровень сельскохозяйственных знаний у всех крестьян, позволяла добиваться высоких производственных результатов. В соревновании за почётное право поехать в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку участвовали тысячи колхозов, совхозов, МТС, животноводческих ферм и сотни тысяч передовиков производства. Сформировался новый слой сельского населения – механизаторы (трактористы, комбайнёры, шофёры, ремонтные рабочие), – который стал носителем модернизационных изменений в деревне.

Обозначился переход от экстенсивных к интенсивным формам хозяйствования, что прослеживается на региональном материале. Система земледелия – комплекс взаимосвязанных агротехнических, мелиоративных и организационных мероприятий для восстановления и повышения плодородия почв. Аграрное перенаселение, резкий рост городского населения и армии требовали поиска путей роста производства, повышения урожайности сельхозкультур и продуктивности животноводства. В условиях утверждения колхозно-совхозного строя, господства крупных форм производства стала внедряться травопольная система земледелия, разработанная В.Р. Вильямсом. Она представляла собой сложную модификацию экстенсивных систем земледелия (паровую, зерновую, многопольно-травяную). Восстанавливать и повышать плодородие почвы пытались биологически, с помощью посевов многолетних трав (они выросли в несколько

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 32.

раз) или через систему севооборотов. Наметилось вытеснение зернового трёхполья интенсивной системой полеводства.

В это же время чисто зерновое хозяйство начало уступать место комплексному производству с развитым животноводством, возделыванием технических и зерновых культур. Одновременно с формированием крупных промышленных центров развивалось земледелие овощных культур и картофеля. Об этом свидетельствуют изменения в структуре посевных площадей. Вокруг крупных городов стала создаваться картофельно-овощеводческая зона. Проводились большие работы по районированию сортов семян сельхозкультур и бонитировка скота. Вырос удельный вес животноводства колхозов и совхозов, экономически неокрепшим колхозам увеличивались кредиты для покупки скота и постройки животноводческих помещений. Активизировалась работа по улучшению породности путем широкой метизации более продуктивными животными. В ряде колхозов были организованы племенные фермы по выращиванию коров местных пород, появились племенные свиноводческие, овцеводческие, козоводческие фермы, конные заводы. В предвоенные годы разворачивались работы по водоснабжению ферм, механическому доению коров.

Специфика сталинской модернизации, однако, заключалась в том, что этот аграрный переход оказался незавершённым. Несмотря на размах модернизационной кампании, ощутимого роста производительности труда или реального дохода на душу крестьянского населения не происходило, сельскохозяйственное производство постоянно отставало от уровня то 1913 г., то 1928 г., то 1940 г. поголовье скота по всем категориям хозяйств к началу 1941 г. не достигло уровней 1913 и 1928 гг., к тому же большая его часть оставалась в личных подворьях колхозников, в хозяйствах рабочих и служащих. Не удалось решить вопрос о полном обеспечении горожан овощами, значительную часть которых приходилось завозить.

3. Основной причиной неспособности колхозной системы поднять производительность труда было полное пренебрежение человеческим фактором в производстве, отсутствие адекватного вознаграждения за труд. Обязанности колхозников были многочисленными и разнообразными: участие в колхозных собраниях и общественных мероприятиях, обработка колхозных полей, уход за общественным скотом, содержание собственного скота, обработка во внерабочее время своего приусадебного участка, поддержание в порядке дорог, строительство хозяйственных помещений, лесозаготовки и торфозаготовки, содержание учителей, врачей, бухгалтеров и счетоводов, служба в армии. Колхозники получали за свою работу по остаточному принципу после выполнения всех без исключений «обязательств перед государством» и без учёта соразмерности этих выплат приложенным усилиям. При этом все сельские жители были лишены свободы передвижения. После введения в 1933–1935 гг. паспортной системы выезд из деревни оказался возможен только с разрешения сельсовета.

В результате колхозное население «переворачивало» ситуацию, сосредоточивая усилия на своих приусадебных участках, с которых получало основную долю продуктов, а в колхозах стремилось работать по остаточному принципу. Как следствие, господствовало экстенсивное развитие сельского хозяйства, что сопровождалось нарастанием проблемы продовольственного обеспечения населения и периодически вспыхивавшими голодовками.

В отсутствие материальных стимулов к труду в колхозном производстве взаимоотношения власти и крестьянства были построены на трудовой повинности

и административных мерах воздействия. Попытки уклониться от повинностей пресекались карательными мерами — от наложения штрафов и дополнительных налогов до массовых репрессий. Последние с особой силой развернулись летом 1937 г. Чрезмерные государственные хлебозаготовки в неурожайном 1936 г. поставили под угрозу уборку урожая. Власть сначала пыталась облегчить положение в деревне. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 5 июля 1937 г. приняли постановление «Вопросы Свердловской области», по которому тамошним колхозам из фондов Комитета резервов отпускалась продовольственная ссуда 2 млн пудов зерна, для северных районов выделялось 360 тыс. пудов семян ржи, частично были рассрочены или списаны недоимки по ссудам и налоговым платежам⁴. Это решение явилось реакцией на антиколхозные настроения, зафиксированные во всех сельских районах весной—летом 1937 г. из-за нехватки хлеба⁵. С другой стороны, крестьянское недовольство сталинской политикой было несомненным, и вскоре, 3 августа того же года, вышла директива ЦК ВКП(б) об организации в каждой области показательных судебных процессов над «врагами народа — вредителями сельского хозяйства». Уже на следующий день бюро Свердловского обкома приняло постановление «Об организации показательного процесса над вредителями сельского хозяйства в Коми-Пермяцком округе»⁶. 12 судебных процессов по всей области должны были перенаправить недовольство колхозников на местную исполнительную власть и мобилизовать их «на борьбу с вредительством и его носителями»⁷.

Параллельно с репрессиями против крестьянства проходила смена руководящего состава местной парторганизации. За 1937–1938 гг. пост первого секретаря обкома занимали И.Д. Кабаков, А.Я. Столяр, К.Н. Валухин. Сразу после их снятия следовала смена руководителей земельных органов (областных и районных), директоров МТС, совхозов и руководителей колхозов, специалистов сельского хозяйства. В июне 1937 г., после ареста Кабакова, в областном земельном управлении сменились 9 руководителей отделов, 19 районных руководителей земельных отделов. За весь год постов лишились 100 директоров МТС, 64 заместителя директора МТС по политической части, 32 уполномоченных Наркомата заготовок, сменили почти всех заведующих райземотделов. Около тысячи городских коммунистов были направлены на работу в село для укрепления партийной линии⁸. Аналогичная картина наблюдалась и в других регионах страны. Репрессии не ограничивались этими массовыми кампаниями, они стали составной частью системы государственного управления сельским хозяйством. Их интенсивность снизилась лишь после 1953 г.

4. Самая яркая черта сталинского периода существования колхозной системы — катастрофически низкий уровень жизни на селе. Доходы колхозников были значительно меньше, чем доходы любой другой категории населения, колхозники являлись самой бедной и материально неблагополучной группой населения. Только смерть Сталина и кризисное положение в сельском хозяйстве страны

⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 5. Кн. 1. М., 2004. С. 261–263.

⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДОО СО), ф. 4, оп. 15, д. 172, л. 20, 48, 76.

⁶ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 394–395.

⁷ Колхозная жизнь на Урале (1935–1953). М., 2006. С. 72–98.

⁸ ЦДОО СО, ф. 4, оп. 33, д. 223, л. 25.

заставили руководство скорректировать аграрную политику, одним из основных направлений которой стал курс на улучшение жизни людей. Факторами обеднения были: жёсткая налоговая политика, низкая оплата труда в колхозном производстве, политика властей по ограничению ЛПХ, униженный правовой статус колхозного крестьянства в обществе. Селяне не имели отпусков, не получали выплат во время болезни, почти никто не получал пенсий. Значение этой постоянной бедности трудно переоценить. Оно выражалось в хронических болезнях, эпидемиях, постоянном бегстве в города и на промышленные предприятия и т.д. В исторической литературе фиксируются всплески недоедания и голода в различных районах страны за четыре отдельно взятых года (1937, 1943, 1947, 1952). Отложенными последствиями стали всеобщая деморализация, дискредитация колхозной системы, утрата веры в возможности будущего для себя и своих детей в аграрном секторе и в сельском обществе.

Урал как район смешанного экономического профиля с преимущественно индустриальным развитием позволяет показать положение аграрного сектора в рамках сталинской модели экономического развития. Форсированная индустриализация региона вызвала рост городского населения за счёт миграции сельского населения, как следствие – сокращение его удельного веса. В период между переписями 1926 и 1937 гг. население Свердловской обл. (в административных границах 1937 г.) увеличилось на 30.7%. При этом количество горожан стало больше на 145.8%, а селян – меньше на 15.7%. Удельный вес сельского населения по области составлял в 1928 г. 73.3%, в 1934 – 51.8, а в 1937 г. – 43.3%⁹. Уже к концу второй пятилетки горожан стало больше, чем селян.

Предвоенные годы стали временем компромисса между властью и колхозным населением. Напряжённость социально-политической ситуации и экономической обстановки начала 1930-х гг. сменилась относительной стабилизацией и некоторым ростом материального положения колхозников Урала. За неурожаями 1931–1932 и 1936 гг. последовали обильные урожаи 1937–1938 гг. (урожайность зерновых выросла в два раза), темпы коллективизации не форсировались. Однако процесс колхозного строительства шёл достаточно быстро: количество колхозов в Свердловской обл. (в административных границах 1939 г.) выросло с 1932 по 1939 г. на 5.2% и достигло 2 153, удельный вес коллективизации по числу дворов увеличился с 63.4 до 90.1%. Она проходила на фоне резкого сокращения индивидуальных хозяйств (в основном за счёт бегства крестьян на стройки промышленных предприятий). За пять лет, к середине 1938 г., их число уменьшилось на 28.5%, к лету 1941 г. оставалось лишь 4.6 тыс. хозяйств. Количество колхозов же достигло 2 164, в них насчитывалось 140.2 тыс. дворов – 97.1% всех крестьянских дворов¹⁰. В эти годы в рамках устава 1935 г. бурно развивались ЛПХ колхозного населения. Значительно выросло количество скота в индивидуальном пользовании, улучшилось питание и активно шла торговля продукцией приусадебных участков на колхозных рынках.

«Процветание» длилось до лета 1939 г., когда разразилась первая кампания ограничения активности населения в ЛПХ. Обстоятельства, которые побудили руководство страны к этой атаке, требуют разъяснения. 19 мая 1939 г.

⁹ Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 143, л. 133; Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991. С. 54–57.

¹⁰ РГАЭ, ф. 1562, оп. 82, д. 271, л. 44.

в ЦК ВКП(б) прошло совещание по вопросу о приусадебных землях в колхозах, на котором готовилось принятие постановления «О мерах охраны общественных земель в колхозах от разбазаривания». В преамбуле к постановлению говорилось о том, что ведение колхозниками своего хозяйства пошло в ущерб их участию в колхозном производстве¹¹. По всей видимости, сыграли роль и другие факторы, в числе которых озабоченность государственным контролем над аграрными производителями в случае войны, стремление увеличить государственные резервы зерна параллельно с мобилизацией, а также растущие проблемы с вербовкой рабочей силы для промышленности среди сельского населения.

В годы Великой Отечественной войны колхозно-совхозная система справилась с задачами обеспечения продовольствием армии и тылового населения, проявив уникальные мобилизационные способности. Однако цена победы оказалась огромна. Деревня была, как представлялось, неисчерпаемым резервуаром ресурсов для развития промышленности. Сельское население являлось основным источником пополнения действующей армии, комплектования кадров для промышленности, транспорта и строительства, что обусловило значительный отток людских ресурсов и тяжёлым бременем легло на аграрную экономику. В силу объективных и субъективных факторов на этой фазе аграрного перехода в целом господствовало экстенсивное развитие сельского хозяйства, причём в 1940-х гг. оказались потеряны те элементы интенсификации земледелия, которые активно насаждались в довоенный период. Это сопровождалось нарастанием проблемы продовольственного обеспечения населения.

В послевоенные годы можно выделить и прогрессивные тенденции аграрного развития. Это восстановление заводов сельскохозяйственного машиностроения, практика полезащитных лесопосадок, расширение использования органических и минеральных удобрений, улучшение агротехники. Во второй половине 1940-х гг. развернулась электрификация села, с 1953 г. колхозы и совхозы стали подключаться к государственным электросетям¹². Все эти меры должны были значительно увеличить урожайность, чтобы избежать падения потребления (в том числе из-за увеличения государственных поставок сельхозпродукции). Однако добиться этой цели не удалось. Становилось ясно, что экстенсивные подходы к земледелию исчерпали свой потенциал, справиться с продовольственным обеспечением постоянно растущего городского населения слабеющая аграрная сфера оказалась не в состоянии (об этом свидетельствовали голод 1946–1947 гг., продовольственный кризис 1951–1953 гг.).

Новации 1930-х гг. непросто сочетались с традиционализмом деревни, постоянно вступали в жёсткое противоречие и противостояние. Общесоюзным контекстом трансформации села стали ускоренная индустриализация, создание военно-промышленного комплекса, нарастание социальных проблем, продовольственный кризис. Коллективизация явилась порождением индустриализации, это две стороны модернизационного процесса. Однако преобразования в сельском хозяйстве, как свидетельствует многовековой исторический опыт России, не могут дать быстрых результатов.

---

¹¹ Колхозная жизнь на Урале... С. 111–115.

¹² Там же. С. 632–636.